

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.36>

Исакова Алла Наумовна

ОБРАЗ-СИМВОЛ БЕРЕЗЫ В ЛИРИКЕ А. ЖИГУЛИНА

Статья посвящена рассмотрению одного из архетипических образов в поэзии А. В. Жигулина, что соответствует современным направлениям литературоведческой науки, в которой исследование национальной картины мира, констант национальной культуры является одним из приоритетных. В русском сознании береза является символом родины, частицей родной природы, устойчивым атрибутом среднерусской полосы. Природный мир "малой родины" в лирике А. Жигулина исследуется как частица русского мира, основа формирования национальной идентичности лирического героя, символ памяти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 182-185. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Дата поступления рукописи: 31.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.36>

Статья посвящена рассмотрению одного из архетипических образов в поэзии А. В. Жигулина, что соответствует современным направлениям литературоведческой науки, в которой исследование национальной картины мира, констант национальной культуры является одним из приоритетных. В русском сознании береза является символом родины, частицей родной природы, устойчивым атрибутом среднерусской культуры. Природный мир «малой родины» в лирике А. Жигулина исследуется как частица русского мира, основа формирования национальной идентичности лирического героя, символ памяти.

Ключевые слова и фразы: береза; мотив; образ; символ; природный мир; малая родина; А. В. Жигулин.

Исакова Алла Наумовна

Московский педагогический государственный университет
isakova.alla@mail.ru

ОБРАЗ-СИМВОЛ БЕРЕЗЫ В ЛИРИКЕ А. ЖИГУЛИНА

В художественном мире Анатолия Жигулина нашли воплощение национальные образы-символы, связанные с архетипическими представлениями, создающие картины русского природного бытия. Одним из таких образов-символов является береза, которую воспели в своих произведениях многие писатели и поэты.

С образом березы, с «белоствольными рощами» ассоциируется наша страна, родная земля. В восточнославянской мифологии береза отсылалась к священным деревьям. Береза является одним из ключевых концептов в русской национальной картине мира. Ю. С. Степанов подчёркивает, что «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [19, с. 43]. Березу можно отнести к одним из символов, обозначенных Ю. М. Лотманом: «Символ связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие ее ареальные пласты» [13, с. 123].

Многие русские поэты олицетворяют березу, отражая свой внутренний мир и чувства души. С. Есенин в знаменитом стихотворении «Белая береза» рисует образ дерева как живого существа («принакрылась снегом, точно серебром»), одухотворяя природу, передает свои сокровенные мысли, возвращаясь в милое детство. Береза у него словно невеста, одетая в белоснежное платье. Все стихотворение наполнено тонким лиризмом. Перед нами картина умиротворенности, легкой грусти и нежности.

А. Фет в одном из стихотворений показывает «печальную» березу, любясь ее «траурным нарядом» [20, с. 162]. Поэт передает душевное состояние лирического героя с присущим ему трагизмом. В. А. Маслова отмечает, что «берёза у русских не только символ родины, России, но берёза символизирует также девушку-невесту, молодую и непорочную» [15, с. 106]. В. Астафьев в произведении «Свеча над Енисеем» проводит параллель «береза – девушка». Дерево у него символизирует гармонию в круге природы. В. Астафьев олицетворено-метафорически осмысливает образ березы: «береза – свечка восковая», «дерево тихо светится, молитвенно догорает», «святая душа березки», «свечечка», «тихая вещунья», «не сгорай дотла, родная», «гори и не гасни свеча вечности» [3, с. 4]. Переносу наименования способствуют желтая листва в конце лета и тонкий ствол дерева. Береза в это время начинает излучать свет, светиться.

Природный мир «малой родины», отраженный в поэзии, позволяет говорить о привязанности русского человека к родной земле. Для А. Жигулина воронежская земля – это не только малая родина, но и идеал, защищенное пространство, частичка рая. В его стихотворениях можно проследить «как живёт, дышит, движется во времени бесконечно любимая им осенняя русская лесостепь» [11].

Созерцая природу, лирический герой А. Жигулина острее ощущает и познает свою национальную самобытность. «Сам писатель выступает носителем национального характера, национальное своеобразие становится органическим свойством самого творчества» [4, с. 306].

Как писал Л. Лавлинский, «путь к любой победе лежит через преодоление преград, мучительно-сложных, казалось бы, вовсе неодолимых. А эти преграды имеют обычно отнюдь не поэтическую, грубую внешность. Но для настоящего поэта и беда тоже является условием, помогающим выявить цельность характера и мужество» [12, с. 22]. Преодоление жизненных испытаний, обретение духовной стойкости нашло отображение в стихотворении А. Жигулина «Береза».

А. Фет, анализируя состояние души, задумываясь над смыслом бытия, советует: «Учись у них – у дуба, у березы» [20, с. 288]. Для А. Жигулина образ березы также является особым ориентиром, учителем. Он восклицает: «Буду спокойней и проще. / Буду учиться всерьез / У фиолетовой рожи / Дымных февральских берез» [7, с. 281]. Несомненно, дерево преподнесло урок преодоления смерти.

Образ-символ березы противостоит холоду и хаосу Колымы: «На картине желтели / Луга и покосы. / Над рекой у затона / Стояли березы. / <...> / И березы худыми / Руками качали, / И коровы мычали, / И люди кричали» [Там же, с. 82]. Изображая противостояние природы и человека, А. Жигулин констатирует определенные жизненные факты, показывая необходимость действия, какого-либо изменения, ведь «спилили дерево не зря». Он оживляет картину. У него не только люди, но и окружающая природа чувствует, переживает. Используя художественное олицетворение («береза медленно пошла», «ветры могли свалить», «дерево дрожало»), поэт с болью описывает спиленное дерево, хотя понимает необходимость действия. Щемящее

сожаление наполняет душу, когда береза «звоня сосульками, дрожит». Он успокаивает себя, становится привычной срезанная береза, ведь это одно только дерево среди огромной тайги. Как любой человек, так и лирический герой постепенно привыкает к каким-либо печальным переменам:

«И, как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен темный срез –
Большая мертвая береза» [Там же, с. 91].

Через олицетворение дерева А. Жигулин вникает во внутренний мир человека. Береза – образ-символ преодоления смерти. А. Истогина пишет, что «лучшие стихи, при внешней их “описательности”, – это глубокие поэтические символы, знаки определенных человеческих ценностей, своего рода распространённый художественный образ» [9, с. 41].

Поэт не пропускает ни одной важной детали; как «зиме еще сто лет мести», так и заключенным еще «сто раз пройти» мимо срубленного дерева. Жизнь в лагере существует во времени и заполнена однообразным трудом. Все детали подчинены друг другу и отображают картину человеческого бытия. Драматизм происходящего подчеркивается эпитетами, метафорами. Для лирического героя звук паровоза становится привычным «криком». Но лирический герой с приходом весны наблюдает парадокс бессмертия березы.

«Береза старая жила,
Упрямо почки распускались.
На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались!..» [7, с. 92].

Стихотворение, написанное четырехстопным ямбом, не пестрит красками. Л. Аннинский пишет: «Жигулин на цвета скуповат: у него обычно два-три цветовых пятна по контрасту лишь оттеняют простой черно-белый рисунок» [2, с. 43]. Желтые сережки указывают на возрождение березы. Желтый цвет у автора имеет личную семантику. Это цвет, дающий жизнь, несущий радость и перемены: «И в желтом пламени лесок» [7, с. 212]; «Каждый жёлтый цветок – словно малое робкое солнце» [Там же, с. 307]; «Желтоватые покосы» [Там же, с. 199]; «Это дыхание желтых берез» [Там же, с. 265]. Поэт отображает каждую деталь очень точно и выразительно. Простые по форме высказывания показывают индивидуально неповторимые события, переживания, действия.

У А. Жигулина описание природы служит философскому осмыслению жизни. Поэт тонко чувствует судьбу России, каждое дерево, цветок, куст – это его страна, его судьба, его жизнь, похожая на «упрямо выживший побег». Его стихотворения наполнены тревожными размышлениями о несовершенстве жизненных устоев. Поэт отображает природу человеческого «я» и судьбу народа, нации в соотношении времени и пространства.

В стихотворении «Вхожу, как в храм, в березовую рощу» поэт, сравнивая березовую рощу с храмом, находит в ней систему «пространственных и духовных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света» [22, с. 38]. Березы выступают как хранители памяти. «Береза – вот символ Жигулина, тихо и светло идущая вверх с руин, из проломов, из кровью политой земли белой свечкой, факелом, лучом в небо, тонкая, хрупкая и непобедимая» [1, с. 280], – пишет А. Аннинский. Душа лирического героя переживает чудо, она получает освобождение от суетности. «Горькие думы», «черные обиды», «неутешные, подступившие слезы» позволяют лирическому герою почувствовать себя в храме, чтобы излить печаль своей души. Природа «поднимается на уровень религиозного сознания» [14, с. 221], позволяет человеку прикоснуться к Богу.

У М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» житейские частности, вид малиновой сливы, ландыша серебристого, студеного ключа позволяет поэту «постигнуть на земле» счастье и обрести Бога в душе. На первый взгляд, поэт рисует картину спокойствия, умиротворения, но на самом деле он не находит покоя, не получает радости. Но неповторимая красота и гармония природы отражают божественное начало, так как через природный мир человек познает Бога. К вере герой у М. Лермонтова приходит через преклонение в молитве перед насыщенной в природе атмосферой любви.

В стихотворении «Розовых сосен стена» образ березы вновь возникает как символ родного края. Среди этого мира зла береза оживает, начинает «светиться». Неоднократно поэт сравнивает березу со свечкой: «А береза тихой свечкой / Свет роняет на стога» [7, с. 245]; «...тихо светится в березах / Седая боль былых времен» [Там же, с. 186]; «но вдалеке у плетня / Светится в соснах береза» [8, с. 29]. В повести «Черные камни» лирический герой, возвращаясь с Колымы, восклицает: «Каждая береза была видна мне издалека. И чувство теплой нежности разливалось в груди. Господи!.. Родина!.. Родная земля!..» [6, с. 496]. Образ березы выводит человека из отчаяния, безысходности, позволяет обрести веру и надежду.

В стихотворении «Кто занес тебя, береза» обращение лирического героя к березе задает общую тональность сюжета.

«Кто занес тебя, береза,
На такую высоту –
Выше леса,
Выше плеса,
Прямо к самому кресту?» [7, с. 181].

Береза уносит с собою ввысь, к самому кресту, все былые года поэта, все его «начальные мечты». Лексическая анафора способствует расширению пространства, восхождению к небу. В стихотворении поэт создает

лирическую зарисовку, наполняя ее различными подробностями. В данном произведении береза не одинока, рядом с ней «вьется птица». «Белые солнечные лучи» соотносятся с христианской символикой чистоты, света, преодоления мрака и смерти. С птицей поэт связывает душу лирического героя, которая получает исцеление и освобождение от душевной боли. Дерево, как и другие явления и предметы внешнего мира, живет своей особенной жизнью. Точные штрихи в деталях и описании природы придают реальность картине. Через внешний мир явлений и предметов природы раскрывается душевное состояние лирического героя. Его волнует вопрос бессмертия души, он задумывается о Боге.

Особый колорит стихотворению А. Жигулина придает реальность ржавых куполов разрушенной церкви. «Белые церкви с серебряным крестом» являются не только отражением национального пейзажа, русской культуры и истории. Поэт был верующим человеком, и разрушение храмов больно отражалось в его сердце. «По старой разрушенной церкви» лирический герой узнает дорогие сердцу места. Пропаганда атеизма не сломала веру поэта, и береза продолжает светить «нетающей тонкой свечой».

Образ белого храма и мотив «разрушенных белых церквей» (Н. Рубцов) достаточно частотны в «тихой лирике». Они неоднократно возникают в поэзии Н. Рубцова («Я буду скакать по полям задремавшей отчизны», «Тихая моя родина», «Ферапонтово»). Заросший травой «купол церковной обители» рядом со школой в родной деревне у Рубцова является не только приметой русского пейзажа XX века, но прежде всего это «храм старины, удивительный, белоколонный» [16, с. 161], «диво дивное в русской глуши» [Там же, с. 358], воплощение национальной духовной жизни и красоты:

«В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте» [Там же].

С. Куняев в стихотворении «Реставрировать церкви не надо» (1975) акцентирует внимание на образе истории, которую несут эти «свидетели дней». В словах «пусть ветшают» звучит некий приговор времени. «Заезжим туристам» не понять песню, которую «русский ветер угрюмо поет» [10, с. 21]. Но она заставляет задуматься лирического героя над ходом истории и загадкой русской стихии.

У А. Жигулина, как и у Н. Рубцова, душа лирического героя, впитывая красоту и неповторимость природы, растворяется в ее бесконечном пространстве. Обычным созерцанием не заканчивается это взаимодействие. Поэт подвергает осмыслению чувства, эмоции, переживания. В результате происходит формирование внутреннего человека. Лирический герой задает восемь вопросов, словно беседует не только с природой, но и с читателем.

«И смотрю на край откоса,
И никак не ясно мне:
Почему растет береза
На разрушенной стене?» [7, с. 188].

Поэт пользуется поэтическим приемом риторического вопроса, он не дает ответа и, таким образом, концентрирует внимание читателя на центральном образе-символе, который приобретает амбивалентность, так как сопутствует мотиву разрушения красоты и веры. В стихотворении введен мотив переживания детства. Чиста душа ребенка, «глядящего на небо», познающего истину. Поэт ценит те ощущения и переживания, которые проникли в его душу с детства. Внешние детали описания у А. Жигулина становятся частицей внутренней жизни самого героя, его духовного состояния. Они отражают искания поэта.

Любая деталь мира для поэта имеет значение. Он не просто созерцает картину мира, а взаимодействует с ней, пытаясь найти ответы на вопросы, понять смысл этих знаков, услышать голос свыше. В. Гусев подчеркивает, что «мы уже всем своим существом, а не только разумом понимаем, ощущаем, например, что дождь, дерево – не человек, не подобное нам существо, и тем не менее ощущаем – все же – какую-то глубокую душевную связь, взаимодействие с этим деревом, дождем» [5, с. 241].

А. Жигулина дорога родная земля, особая красота лесостепной Руси, ее традиции, памятники, история. Через пейзажи поэт выражает свою любовь к Родине и к родной природе, но так же он передает и свои чувства и состояние души с помощью природы. В простых и незатейливых родных пейзажах А. Жигулин сумел показать неповторимое очарование, красоту.

«Именно в пейзажной лирике с особенной силой сказывается чувство родины, родной страны» [21]. Для лирического героя общение с родной природой – это особая внутренняя необходимость. Т. И. Сильман подчеркивает, что «для некоторых поэтов тема ухода лирического героя из мира эмпирических будней (в частности, из будней городской жизни) в мир природы, его растворения в мире природы не исчерпываются одним-двумя стихотворениями, но становится одним из существенных мотивов их поэтической биографии» [18, с. 94].

Общение с природой очищает и просветляет душу лирического героя. В этом процессе герой ощущает счастливую окрыленность, обретает благодатное чувство свободы. Лирический герой поэта чутко и благодарно воспринимает те импульсы и указы, которые исцеляют его душу от сомнений и недугов, способствуют восхождению к подлинным ценностям и идеалам. В своих произведениях А. Жигулин утверждает значение памяти, ее эмоционально-психологический и метафизический потенциал. Лирическая рефлексия позволяет выявить сходство событий и состояний природного мира с миром человеческой души и судьбы.

Список источников

1. Аннинский Л. А. Восхождение к свету // Дружба народов. 1972. № 6. С. 278-280.
2. Аннинский Л. А. Мера сил // Литературное обозрение. 1980. № 5. С. 41-46.
3. Астафьев В. П. Затеси // Новый мир. 1999. № 8.
4. Введение в литературоведение / ред. Г. Н. Поспелов. М.: Высшая школа, 1983. 528 с.
5. Гусев В. И. В предчувствии нового: о некоторых чертах литературы шестидесятых годов. М.: Советский писатель, 1974. 328 с.
6. Жигулин А. В. Далекий колокол. Воронеж: Издательство им. Е. А. Болховитинова, 2001. 696 с.
7. Жигулин А. В. Избранное. Стихи. М.: Художественная литература, 1981. 351 с.
8. Жигулин А. В. Полюнный ветер. Стихи. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.
9. Истогина А. Я. Цветущий терновый венец. Творчество Анатолия Жигулина. М.: Русский путь, 2000. 152 с.
10. Куняев С. Ю. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 2. Стихотворения 1976-1987. Поэмы. Лирические хроники. 335 с.
11. Лавлинский Л. И. Анатолий Жигулин. Надежда и судьба [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200402208> (дата обращения: 11.10.2016).
12. Лавлинский Л. И. Мета времени, мера вечности: статьи о современной литературе. М.: Художественная литература, 1986. 269 с.
13. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
14. Марфин Г. «Далекий колокол» Анатолия Жигулина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2004. № 1. С. 214-223.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
16. Рубцов Н. М. Последняя осень: стихотворения, письма, воспоминания современников. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.
17. Руделев В. Г. Символы родины в поэтическом творчестве Анатолия Жигулина // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 6. С. 223-234.
18. Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.
19. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
20. Тютчев Ф. И., Фет А. А. Стихотворения. М.: Олимп; АСТ, 2000. 560 с.
21. Шаламов В. Т. Пейзажная лирика [Электронный ресурс]. URL: <http://shalamov.ru/library/21/22.html> (дата обращения: 27.10.2016).
22. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

BIRCH'S IMAGE-SYMBOL IN A. ZHIGULIN'S LYRICS

Isakova Alla Naumovna

Moscow State University of Education

isakova.alla@mail.ru

The article is devoted to the consideration of one of the archetypical images in A. V. Zhigulin's poetry that corresponds to the modern directions of literary science, in which the study of the national worldview and the constants of the national culture is one of the priorities. In the Russian consciousness, the birch is a symbol of motherland, a part of the native nature, a fixed attribute of Central Russia. The natural world of "small motherland" in A. Zhigulin's lyrics is studied as a part of the Russian world, as a basis for the formation of the lyrical hero's national identity, as a symbol of memory.

Key words and phrases: birch tree; motive; image; symbol; natural world; small motherland; A. V. Zhigulin.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 16.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.37>

В статье анализируется письмо к Ивану Петровичу Белкину его «друга», «ненарадовского помещика», пожелавшего остаться неизвестным, и раскрывается его имя, что позволяет увидеть эволюцию образа Владимира Бурмина в годы его бесшабашной гусарской молодости, потом в эпоху героического служения Отечеству во время Наполеоновского нашествия и, наконец, в дни тусклого существования после превращения повесы и героя в ничем не примечательного деревенского помещика. Таким образом, в работе устанавливается связь письма Владимира Бурмина с не лишними иронии размышлениями самого Пушкина о возможных изменениях в его собственном мировидении и поведении.

Ключевые слова и фразы: Пушкин; Иван Петрович Белкин; Бурмин; цикл повестей; автор.

Кожевников Виктор Андреевич

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
polina50@list.ru

**«...ВСЕПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ НИКАК ИМЕНИ МОЕГО НЕ УПОМИНАТЬ...»
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПОВЕСТЯМ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»**

Предисловие Издателя А. П. к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» включает анекдотическую «эпистолю» «почтенного мужа» и друга Ивана Петровича, которая не только Белкина характеризует, но и самого автора «эпистолы» обличает.